

Барклаю, Салливану и Скарлет.

Конечно же.

Глава 1

Валенсия не слишком часто думала о смерти.

Если уж на то пошло, все остальные тоже думали о ней слишком мало. Относились чересчур легкомысленно. В конце концов, людей в мире много, и каждому рано или поздно приходится умирать, не всем одинаково, не всем в одном каком-то месте и при одних и тех же обстоятельствах. Кто-то — в очереди в банке от руки грабителя. Кто-то — на операционном столе под ярким белым светом и блестящей хирургической сталью. На больничной койке в окружении близких, опечаленных и произносящих утешающие слова, или в самолете, в саду, даже на уличном переходе.

Тебя могут убить, ты можешь заболеть смертельной болезнью, проявить трагическую неуклюжесть.

Осло. Норвегия. Милуоки. Висконсин. Космос.

Она не была бессмертна и знала это. Вот и все.

Проблема была в болезненной гротескности ее мыслей о смерти, характерной, впрочем, и для ее мыслей относительно всего остального. Мысли эти возникали в самые неподходящие моменты, отличались графической детализацией и циклической закольцованностью. Идя по улице, она замечала несущийся на большой скорости автомобиль и думала: *Эта машина едет слишком быстро*. Все, большего и не требовалось — мозг

ухватывал мысль, сжимался в кулак, и следующий час или около того она представляла, как ее тело ударяется о капот и с хрустом трескается, словно огромное яйцо. Потом она еще какое-то время чувствовала себя уставшей и разбитой, словно ее и впрямь переехала — причем неоднократно — машина.

Нет, Валенсия не думала, что умрет именно вот так; она просто не могла не представлять этого.

И если не машина, то острая кромка, высокий уступ, вспышка молнии вдалеке. Каждый день обеспечивал ее неисчерпаемым ассортиментом возможных смертей, сотнями ужасных сценариев, которые мозг мог схватить и творчески развить.

Остановиться и не думать о том, как ее сбивает авто, как она сгорает заживо в постели или при падении ударяется головой об угол чего-то, можно было только одним способом, представив — в мельчайших деталях — место, где она и впрямь собиралась умереть: «Сервисный колл-центр Уэст-Парк», где она работала взыскателем долгов, то есть телефонным коллектором. Мысль эта приносила успокоение — не потому, что работа была так уж хороша или нравилась ей, а потому, что ее активное воображение ничего не могло поделать с предметом столь унылым, прозаическим и скучным.

Колл-центр помещался в громадном, массивном здании, похожем на склад и заполненном кабинками. Стены могли быть бежевыми, розовыми или коричневыми в зависимости от времени суток и угла, под которым на них падал свет. Никому не приходило в голову повесить на стену картину или подобрать симпатичные занавески для окон. Стены и окна были здесь не для того, чтобы смотреть на них, а чтобы находиться за ними, работать в ограниченном ими пространстве. Временами возникало чувство, что ты здесь в тюрьме.

Единственными звуками были шорох шагов и сотни приглушенных, односторонних телефонных разговоров. Обманчиво свежий запах чистоты всего лишь пытался прикрыть затхлость воздуха, напитанного телесными испарениями. Все здесь выглядели либо обеспокоенными, либо скучающими. В некоторых отношениях больше, чем исправительное учреждение, колл-центр напоминал лечебницу; входя сюда, люди испытывали тревожное ощущение в глубине живота. Почему-то казалось, что все здесь больные, умирающие или уже мертвые.

Тонкие и невысокие перегородки с трудом отделяли Валенсию от мужчин, сидевших по обе стороны от нее. За семнадцать проведенных здесь лет она так и не познакомилась с ними, и желания познакомиться не возникло ни у нее, ни у них. Один время от времени посылал намек на улыбку в направлении Валенсии, как бы признавая ее присутствие, другой же постоянно смотрел прямо перед собой. Оба были среднего возраста, оба носили очки с толстыми стеклами и усы, возможно компенсируя нехватку волос на затылке или, возможно, из-за социального давления, выражавшегося в стремлении быть как все. Оба напоминали не совсем одинаковые книжные полки.

Все остальные в «Уэст-Парке», когда Валенсия осмеливалась обвести помещение взглядом, сливались в огромную хаотичную массу, но в ее голове они все выглядели такими же одинаковыми, как и ее соседи, и двигались совершенно синхронно. В воображении Валенсии только один из них был человеком, прототипом некой странной корпорации, производившей социально неловких роботов для работы в колл-центрах, потому что никто другой работать в таком месте не хотел. Роботов с затуманенными глазами, редкими волосами, запахом изо рта и плоскими, скучными голосами.

Итак, вот люди, на которых она будет смотреть, и вот место, но была еще и конкретная точка, в которой — на этот счет не было ни малейших сомнений — ей предстояло умереть: жесткое, но хорошо просиженное офисное кресло. Валенсия представляла, как будет сидеть в нем, связанная со столом телефонным шнуром, глядя на фотографию, шесть на четыре, картины с птицей, пришпиленной к стене кабинки за компьютером. Чтобы представить, как все произойдет, ей не нужно было принимать во внимание глубинную механику тела, хватало основ.

День будет восприниматься как обычный, совершенно нормальный, пока не перестанет восприниматься вообще.

Легкие откажутся делать то, что им полагается делать, и сердце замедлится и остановится. Она откроет рот, но из него не выйдет ничего, кроме выдоха — какой-то хрупкой, изящной штучки в перьях (разумеется, последний вдох должен быть чем-то таким, что можно увидеть).

Мысли остановятся... Это была ее любимая часть.
Мысли останавливаются.

Голова свесится вперед, и она испытает краткий миг облегчения — ее не надо больше держать прямо. Птичка на картинке вспорхнет, веки упадут. Бежевое пятно. Стол. Некто на другом конце линии скажет: «Алло? Алло?..», и грохот упавшего телефона станет последним, что отзовется эхом в ее старом, умершем черепе.

Она умрет, не испытав ничего, кроме вот этого, проведя большую часть жизни пленницей кабинки. Но ее смерть будет легкой, и думать о ней было легко. Никаких ужасов, никакой карусели насилия. Никаких острых углов, брызг крови, злых, нехороших людей... только картинка на стене, стул и компьютер в море странных роботов.

Все было бы легко, если бы не одно обстоятельство: наверно, этого не произойдет в ближайшие шестьдесят лет.

Смерть — такая штука, которая случается с каждым. Взыскание долгов как постоянное занятие — штука, которая случается только с самыми большими неудачниками. Для нее — пожизненный приговор, брошенный со скамьи безжалостным судьей. Ее подвергли наказанию — совершенно заслуженно. Валенсия совершила только одно ужасное деяние, но оно и впрямь было ужасное: она убила человека.

Какая ирония, часто размышляла Валенсия, что ее долг перед обществом — и семьей погибшей девочки — будет выплачен через взыскание денежных долгов других людей. В этом было что-то почти поэтичное.

Долг — смысл жизни. Не только ее жизни, но жизни каждого.

Сбор и выплата — или, как в случае с некоторыми религиями, отработка и, как у других, принуждение кого-то другого к уплате долга за тебя.

Все вертится вокруг долга.

Глава 2

Миссис Валентайн определенно думает о смерти слишком много. Это ее любимый предмет; она даже не пытается не думать об этом. Да и с какой стати? Смерть грядет — уже скоро, и если она встретит ее иначе, чем с распростертыми объятиями, то будет глубоко несчастна.

С технической точки зрения она не умирает, но уже настолько стара, что если будет жить и дальше, то люди начнут удивляться. Ей восемьдесят семь, но она не чувствует себя восьмидесятисемилетней старухой. Скорее она чувствует себя моложе, например на восемьдесят шесть. Миссис Валентайн живет одна, в квартире в здании на углу Пятой улицы и Фризен. Ее лицо на-

поминает смятый комок бумаги. У нее грубые руки с узловатыми пальцами, но мягкие серебристо-белые волосы. Она постоянно сутулится и слегка клонится вправо; она как матрас, засунутый в раму с торчащими пружинами, — наполнитель сбивается в одних местах, зато в других его нет совсем. Она прихрамывает, шаркает ногами и хрипит. Год назад потерялись очки, так что теперь все туманится и расплывается. Для своих лет она очень даже хорошо сохранилась, но она стара. Ее лучшая подруга, миссис Дэвис, живет в квартире 13, напротив, и пребывает примерно в таком же состоянии — чуть меньше волос на голове, чуть больше дряблостей, обвисшей кожи на подбородке.

Миссис Валентайн очень высокого мнения о миссис Дэвис. Миссис Дэвис относится к миссис Валентайн ровно так же и говорит всем, что они — сестры, потому что почему бы и нет. В старости вы понимаете, что правила в такого рода вещах смехотворны и нелепы. Вы можете быть родственниками кого угодно. Кровь уже не важна.

Обе называют друг дружку по фамилии, а не по имени, потому что фамилия — приятное напоминание о мужьях, которых нет больше рядом. Началось это вскоре после смерти мистера Дэвиса, когда миссис Дэвис переехала из загородного дома в пустую квартиру. То, что квартира оказалась свободной, величайшая удача для обеих женщин, чьи отношения на какое-то время свелись к телефонным звонкам. Ни у одной нет теперь действительных водительских прав. Миссис Валентайн помогала подруге распаковывать вещи. Добрых три или четыре часа они работали в полном молчании, прежде чем миссис Дэвис открыла рот и сказала:

— Я больше не миссис Дэвис.

Струйка слюны стекла по подбородку, и она подняла сморщенную руку. Лицо ее приняло удивленное выражение, словно с потерей мужа, дома и имени она засо-

мневалась и в собственном теле — а вдруг ей придется освободить и его тоже.

Миссис Валентайн прекрасно ее поняла и обняла миссис Дэвис так крепко, как только позволяли ее хрупкие кости, стараясь втолкнуть дух подруги в тело и удержать его там.

— Ты все еще миссис Дэвис, — сказала она твердо, но с нежностью, в седые волосы и с тех пор звала ее только так — миссис Дэвис, а когда миссис Дэвис начала в свою очередь называть ее миссис Валентайн, ей это даже понравилось. Простой акт благодарности и памяти — об их ушедших мужчинах, конечно, но, может быть, еще больше взаимной печали и скорби.

Когда миссис Дэвис попала на пару недель в больницу, миссис Валентайн начала разговаривать с собой вслух, потому что привыкла слышать имя мужа и теперь ей этого не хватало.

— Доброе утро, миссис Валентайн, — говорила она. — Почему бы вам, миссис Валентайн, не выпить для начала чашечку чаю?

С тех пор так и продолжалось, хотя миссис Дэвис выздоровела — настолько, насколько это возможно — и вернулась в квартиру напротив. Ощущение непривычное, странное, но она ничего не имеет против — кто-то сказал, что эксцентричные люди живут дольше всех прочих. Доказывать, что ты прав, продолжая жить, — ей это нравится.

Миссис Валентайн пытается находить радость в мелочах, потому что вещи большие становятся слишком тяжелыми и выskalзывают из рук.

Ей нравится сидеть на балконе и смотреть на играющих в футбол мальчишек. Нравится подслушивать соседей снизу, которые тоже частенько сидят вечерами на своем балконе. У нее есть записи любимой фортепьянной пьесы Рахманинова — этюда-картины соль

минор, которую она слушает сутками напролет. Музыка успокаивает и утешает уже потому, что знакома. Через какое-то время ухо привыкает, звуки растворяются в фоне, и миссис Валентайн делает громче. Музыка разносится по узкому коридору и предположительно проникает сквозь тонкие как бумага стены в другие квартиры, но соседи не жалуются. Может быть, она и на них действует успокаивающе.

Время от времени миссис Валентайн накапливает небольшую сумму задолженности по кредитной карте. Миссис Дэвис читает ей лекции о процентных ставках и финансовой ответственности, но чего миссис Дэвис не понимает, так это того, что миссис Валентайн делает это нарочно — чтобы иметь возможность встретиться со сборщиками долгов. В последнее время она ищет общения в необычных местах. Приходится. Все обычные исчерпаны.

— Карле сейчас трудно, — скажет она миссис Дэвис, когда они сядут выпить по чашечке чаю дождливым вечером. — Ее мальчик плохо ведет себя в школе, и ей не нравится нынешняя работа. Она хотела стать архитектором, но потом забеременела Джимми, и ее муж просто сбежал.

Миссис Дэвис смутится на секунду, и миссис Валентайн, спохватившись, рассмеется и кивнет.

— О, извините, миссис Дэвис. Карла — мой сегодняшний коллектор. Такая лапочка. Мы проговорили с ней полчаса, и она только что не расплакалась. Завтра поболтаем еще.

Миссис Дэвис покачает головой, но ничего не скажет — ничего необычного, после больницы она вообще мало говорит. Она все же дает понять, что не одобряет странное хобби миссис Валентайн, но понимает стремление подруги к общению, ее потребность быть нужной, когда мир вокруг нее сжимается.

Миссис Валентайн променяла свое место в общественном саду на единственный кустик базилика у себя на подоконнике. Она больше не пишет картин — руки не хотят — и отказалась от всякой спонтанности, заново открыв для себя былой интерес к планированию.

К стене у холодильника приклеен листок бумаги, на котором дрожащей рукой нанесены линии и буквы: дни недели сверху подчеркнуты, часы дня обозначены по вертикали слева. Каждый отдельный временной интервал заполнен либо именем, либо названием телешоу, либо мелкой домашней работой, либо каким-то занятием, либо просто словом «вздремнуть», написанным немного темнее, чем другие слова, и подчеркнутым дважды, потому что она не любит дремать днем, но знает, что ей это нужно. Она очень строга к себе в этом вопросе.

— А теперь, миссис Валентайн, — скажет она в пустую комнату, сопротивляясь дремоте, как трехлетний ребенок, — вам нужно вздремнуть. Вы знаете, что это так. Когда проснетесь, можете выпить чаю. — Взятка, как она выяснила, работает лучше всего. Иногда ей кажется, что в ней уживаются два человека: упрямый трехлетний ребенок и измученная им мать. Она раздражает сама себя, но все равно старается быть заботливой и понимающей. В конце концов, старость — это тяжело. Она гордится своей эмпатией. Листок на стене ей больше не нужен; ей ничего не стоит прочитать дневную телепрограмму в каком угодно порядке и даже стоя на голове (абсурдный образ, учитывая ее хрупкие фарфоровые кости и выпирающие суставы), но она все равно сверяется с ним через каждые полчаса. Иногда, когда она остается одна в своей квартирке, ей кажется, что время замедлило ход или даже остановилось.

Минуты становятся пустыми и бесконечными, дни влачатся получасовыми шагами, и она чувствует себя